

Юлия
Райдос

Бенефис
на эшафоте

Юлия Райдос

Бенефис на эшафоте

<https://litres.ru/74144794>

SelfPub; 2026

Аннотация

Умереть на сцене в семьдесят четыре года, играя сумасшедшую королеву — это роскошный финал для народной артистки. Плохо только то, что пьеса была паршивой, а режиссер — бездарем.

Но занавес не опустился. Вместо загробного мира я очнулась в ледяной реке, в теле юной Элоизы. У нее прекрасное лицо, здоровые суставы и абсолютно разрушенная жизнь. Подлец-муж обобрал её до нитки, отобрал дом и выставил на улицу, вынудив прыгнуть с моста.

Утопиться из-за мужчины?! Какая дешёвая, бездарная драматургия!

Вся моя жизнь была игрой, и теперь декорации сменились.

Жюльен думает, что избавился от проблемы? Ошибается. Вместо наивной девочки-ромашки в этот мир пришла тяжелая артиллерия с многолетним стажем театральных интриг.

Я сколочу капитал, верну своё и заставлю этого альфонса плясать чечетку на раскаленных углях. Занимайте места согласно купленным билетам, господа. Мой выход!

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Юлия Райдос

Бенефис на эшафоте

Глава 1

Гримерка была тесной, холодной и откровенно убогой. Маргарита Львовна сидела перед зеркалом, обрамленным тусклыми лампочками, половина из которых давно перегорела, и критически рассматривала свое отражение. Семьдесят четыре года — это не шутки. Лицо, когда-то сводившее с ума партийных чиновников и именитых режиссеров, теперь напоминало сложную топографическую карту. Резкие скулы никуда не делись, фирменный хищный прищур остался при ней, но сетка морщин выдавала возраст с головой. Никакой грим не мог спрятать время, да Маргарита уже и не пыталась. В конце концов, она играла не Джульетту, а сумасшедшую старуху-отравительницу.

Корона из крашеного пластика давила на виски, искусственные рубины в ней царапали лоб. Тяжелое платье из дешевого бархата стояло колом и кололось даже через нижнюю сорочку.

— Маргарита Львовна, ваш выход через три минуты, — в дверь просунулась голова помрежа, девицы с синими волосами и пирсингом в носу. Девица смотрела на нее без всяко-

го пиетета. Для нового поколения театральных менеджеров Маргарита была просто старой каргой из пыльного советского прошлого, которая почему-то до сих пор занимает место в труппе.

— Иду, деточка, — сухо бросила Маргарита, поднимаясь со стула. Суставы привычно хрустнули.

Она вышла в полутемный коридор и направилась к кулисам. Пьеса была дрянной. Нет, не так. Пьеса была феноменально, фантастически бездарной. Какой-то модный молодой драматург, считающий себя новым Чеховым, накатал этот шедевр левой ногой за пару дней. А новый главный режиссер — нервный юноша, считающий классику пережитком прошлого, — решил, что современный зритель жаждет крови, дворцовых интриг и безумных истерик на сцене. Постановка называлась «Яд для спящей королевы», хотя никто там не спал, а яд появлялся только в самом финале.

Маргарита Львовна играла королеву, выжившую из ума на почве ревности к молодому фавориту. Фаворита играл Дениска — смазливый мальчик, чьи актерские таланты заканчивались ровно там же, где начиналась его способность красиво носить узкие кожаные штаны.

В свои семьдесят четыре года Маргарита не питала иллюзий. Роль была отвратительной, текст скрипел на зубах пенопластом, сценарий изобиловал логическими дырами, но выбирать не приходилось. Пенсия у народных артисток, конечно, неплохая, но ее едва хватало на жизнь в привычном

ритме и оплату огромной квартиры. Да и не в деньгах было дело. Просто без сцены она бы сдохла от тоски. Театр был ее жизнью, ее проклятием и единственным смыслом существования.

Она встала за кулисами, ожидая своего выхода. На сцене Дениска как раз заканчивал свой монолог. Он махал руками, как ветряная мельница, и форсировал голос, путая страсть с обычной истерикой.

«Боже, какой бездарь, — с тоской подумала Маргарита, поправляя тяжелую юбку. — Его бы к Мейерхольду или к Товстоногову на пять минут. Вылетел бы из театра с волчьим билетом».

Зазвучала тревожная музыка — фонограмма, конечно же, оркестр давно сократили. Маргарита выдохнула, расправила плечи, и шагнула в слепящий свет софитов.

Зал был заполнен едва ли на треть. Зрители сидели, уткнувшись в телефоны.

Сейчас по сценарию шла кульминация. Королева, потрясая бутафорским кубком, должна была произнести душевраздирающий монолог о предательстве, а затем подсунуть отравленное вино неверному любовнику. Дениска стоял напротив, пучил пустые красивые глаза и ждал её реплики.

Маргарита сделала шаг вперед.

— Ты думал, мальчишка, что корона достанется тебе?! — гаркнула она. — Ты думал, я слепая? Думал, я не вижу, как ты смотришь на эту девку, когда она подает нам вино?!

Текст был идиотским, абсолютно плоским, но Маргарита тащила сцену на голом профессионализме. Она крутнулась на каблуках — смелый трюк для ее возраста, — схватила со стола два кубка и ловким движением поменяла их местами. По крайней мере, так это должно было выглядеть для зрителя. Королева путает кубки в приступе безумия.

— Пей! — велела она, протягивая Дениске один из кубков, а сама картинно поднесла к губам второй. — За наше счастье, любовь моя! До дна!

По сценарию она должна была захохотать, предвкушая, как любовник станет корчиться в муках, а затем с ужасом понять, что он выпил обычное вино, а яд достался ей. Но свет софита ударил прямо в глаза, Маргарита моргнула, сбилась с ритма и, вместо того чтобы сделать фальшивый глоток, действительно опрокинула в себя содержимое пластикового кубка. Внутри оказалась какая-то мерзкая теплая жижа, имитирующая вино.

Она поперхнулась, закашлялась и картинно выронила кубок. Тот с глухим стуком покатился по сцене. Маргарита схватилась за горло, готовясь выдать фирменный предсмертный хрип, чтобы спасти скомканную сцену.

И в этот момент в грудь словно вбили раскаленный железный кол.

Удар был такой силы, что из легких разом вышибло весь воздух. Маргарита рухнула на колени, даже не успев подставить руки. Колени прострелило болью от удара о доски, но

это было ничто по сравнению с тем адом, что разверзся в грудной клетке. Боль не пульсировала, она просто разрывала ее изнутри на части, тяжелая, тупая и абсолютно беспощадная.

Она открыла рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь, остановить спектакль, но из горла вырвался только жалкий сип.

Дениска, стоявший в двух шагах, изменился в лице. В его пустых глазах вдруг мелькнуло неподдельное восхищение. Идиот решил, что это такая гениальная актерская игра. Он подался вперед, трагически заламывая руки, как и требовал режиссер.

— О, небеса! — завыл Дениска, начисто забыв свой текст и переходя на отсебятину. — Что с тобой, моя королева?! Неужели ты выпила яд сама?!

«Скорую, придурок», — попыталась сказать Маргарита, но губы не слушались.

Она завалилась на бок. Перед глазами поплыли черные и красные круги. Она слышала, что в зале стоит напряженная тишина. Телефоны отложены. Зритель верил. Зритель, мать его, и пребывал в полном восторге. Еще бы, такая достоверная смерть за жалкие две тысячи рублей за билет в партере.

Маргарита попыталась пошевелиться.

«Я умираю, — с пугающей ясностью поняла она. — Прямо сейчас. Это всё. Конец».

Но паника почти сразу отступила, оставив после себя

странное, почти философское спокойствие. Мозг, понимая неизбежность происходящего, милосердно включил режим наблюдателя.

Если подумать, всё складывалось не так уж скверно.

Перед мысленным взором мгновенно возникла ее квартира. Огромная, с четырехметровыми потолками. Дубовый паркет, антикварная мебель, которую она собирала по комиссиям в девяностые. И афиши. Десятки огромных афиш на стенах в коридоре и гостиной. Маргарита в роли леди Макбет. Маргарита — коварная разлучница в советском блокбастере. Молодая, дерзкая, с хищной усмешкой.

Последние годы одиночество пугало ее до одури. Она панически боялась умереть там, среди этих афиш. Боялась, что ее хватятся только через неделю, когда соседи почувствуют запах. Боялась стать героиней желтой хроники: «Знаменитую актрису обнаружили мёртвой в квартире». Это было невыносимо унизительно для женщины, которая привыкла блистать.

Нет, умереть на сцене, на глазах у публики — это роскошь. Это красиво. В новостях напишут: «Ушла на сцене, играя до последнего вздоха».

Сцена перед глазами начала меркнуть. Лицо перепуганного Дениски, который, кажется, наконец-то начал что-то подозревать, расплылось серым пятном.

А вместо него из темноты вдруг выплыло другое лицо.
Саша.

Ее Сашка. Широкоплечий, с вечно растрепанными волосами, которые не брала ни одна расческа. Он стоял у окна в их первой съемной однушке на окраине Москвы. За окном шел мокрый снег, на плите свистел чайник, а на столе лежали бутерброды с докторской колбасой.

Господи, как давно это было. Полвека назад. Целая вечность.

Маргарите тогда было двадцать два. Она только-только выпустилась из училища, получила свою первую роль в театре и чувствовала себя так, словно весь мир лежал у ее ног. Саша был инженером. Обычным, надежным, абсолютно земным парнем, далеким от искусства, богемы и высоких материй. Он смотрел на нее так, словно она была божеством, по нелепой случайности оказавшимся на его тесной кухне.

Они поженились быстро, по какой-то сумасшедшей, всепоглощающей любви, от которой сносило крышу. Маргарита тогда искренне верила, что у нее хватит сил на всё: и блистать на сцене, покоряя столицу, и строить семью.

Но театр всегда был ревнивым любовником. Он забирал всё время без остатка.

Сначала были вечерние репетиции. Потом гастроли. Затем первые крошечные роли в кино, бесконечные банкеты, полезные знакомства. Она возвращалась домой уставшая, злая или неестественно возбужденная, падала на диван и засыпала. А Саша ждал. Разогревал ужин, укрывал ее пледом, терпеливо слушал ее сбивчивые рассказы о театральных ин-

тригах, режиссерах-самодурах и завистливых актрисах.

А потом он просто устал.

Маргарита помнила тот их последний разговор до мельчайших деталей.

Она собирала чемодан. Ленинград, съемки на три недели, отличный шанс засветиться в серьезном кино. Саша стоял у двери, прислонившись плечом к косяку, и печально смотрел на нее.

— Рита, давай остановимся, — тихо сказал он тогда. Голос у него был уставший, глухой. — Давай просто жить. Я хочу нормальную семью. Хочу приходиться с работы и видеть свою жену. Я детей хочу, Рит.

Она нервно отмахнулась, запихивая в чемодан стопку одежды.

— Саш, ну какие дети сейчас? Ты в своем уме? У меня роль! Это шанс всей жизни! Вот снимусь, переедем из этой дыры в нормальную квартиру, тогда и подумаем о детях.

— Ты говорила это год назад. И два года назад.

Он подошел, молча забрал у нее из рук кофту и бросил на кровать.

— Или я, или карьера, Рита. Выбирай. Я больше так не могу.

Тогда этот ультиматум показался ей оскорблением. Попыткой запереть ее в клетке, обрезать крылья. Как он не понимает ее масштаба? Как он смеет требовать от нее стать обычной наседкой? Она была абсолютно уверена, что таких

Саш у нее будет еще десятки. Что любовь — это лишь приятное приложение, а искусство — это навсегда.

Она молча застегнула чемодан, оделась и ушла, хлопнув дверью. Гордая, независимая, уверенная в своей абсолютной правоте.

Какая же она была дура. Непроходимая, феерическая идиотка.

Десятков Саш не случилось. Были режиссеры, которые предлагали роли в обмен на лояльность. Были коллеги-актеры, с которыми случались яркие, нервные, но совершенно бессмысленные романы. Были богатые поклонники, дарившие бриллианты и исчезавшие устав от ее капризов.

Но никто больше не смотрел на нее так, как Саша. Никто больше не укрывал ее пледом.

Саша женился через три года. Маргарита узнала об этом случайно, от общих знакомых. Она тогда только-только получила главную роль в новом фильме и решила, что ей абсолютно плевать. У нее своя жизнь, у него своя.

А потом новости долетали обрывками. У Саши родился сын. Потом дочь. Он построил большой дом, ездил с семьей на море каждое лето. У него была та самая нормальная жизнь, о которой он мечтал.

И чем больше наград, премий и званий получала Маргарита, тем отчетливее она понимала, что проиграла. Проиграла по-крупному. Она променяла настоящее чувство на мишуру, пыльные кулисы и лживые улыбки коллег.

Жаль, что ничего нельзя было исправить. Жизнь не спектакль, ее не переиграешь заново. Не выйдешь на авансцену, не попросишь у режиссера дать еще один дубль, потому что в первом ты ошиблась с мотивацией персонажа. Сценарий написан, сыгран и выброшен в корзину.

Слишком поздно.

Боль в груди сделала последний, мощный рывок, смяя остатки сопротивления и отключая сознание. Маргарита судорожно вздрогнула всем телом.

В ушах вдруг прорезался звук. Зал хлопал. Сначала неуверенно, а затем разразился настоящей овацией. Зрители ревели от восторга, аплодируя ее предсмертным конвульсиям.

«Идиоты», — подумала она отстраненно, уже без всякой злобы.

Над ней склонилось белое как мел лицо Дениски. Он наконец-то понял, что она не играет. Он что-то кричал, кажется, звал врача, размахивал руками, но звук долетал словно сквозь толщу мутной воды. На сцену из-за кулис выбежала девица-помреж.

Свет софитов начал меркнуть. Яркий, режущий глаза белый луч тускнел, превращаясь в серое расплывчатое пятно. Холод пополз от кончиков пальцев вверх, к сердцу, успокаивая, стирая страх, навсегда растворяя все сожаления.

Всё заканчивалось.

За секунду до того, как наступила абсолютная, звеня-

щая пустота, у Маргариты промелькнула последняя четкая мысль.

«Какая всё-таки отвратительная пьеса. И какой бездарный финал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.